

Г.С. БАТЕНЬКОВ И ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в. (К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ)

Вопрос о степени влияния традиции XVIII в. на поэтику и эстетику Г.С. Батенькова дискуссионный. Признавая бесспорное влияние традиции М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина на поэтику произведений Г.С. Батенькова, исследователи нередко склонны преувеличивать влияние одной и умалять степень влияние другой фигуры. Исследованию этой проблемы посвящена данная статья.

Ключевые слова: русская литература XIX в., русский романтизм, декабристы-литераторы.

В монографии «Поэзия декабриста Г.С. Батенькова» А.А. Илюшин писал: «В относительно законченном виде Батеньков изложил систему своих эстетических взглядов в “Писаниях сумасшедшего”. Именно здесь высказаны основные, наиболее принципиальные положения, которые, на наш взгляд, лежат в пределах декабристской эстетики. И не следует смущаться тем, что сформулированы они через много лет после того, как *эстетическая мысль декабризма замерла* (здесь и далее курсив мой. – М.З.). Проведя эти годы в одиночном заключении, Батеньков не испытывал никаких внешних влияний, которые бы стимулировали *эволюцию его эстетической мысли*. Он лишь осмысливал то, что до заключения могло в нем формироваться, складываться (но не сформировалось и не сложилось в рассеянности свободной, несосредоточенной жизни)» [1. С. 73]. Несколькими далее, по поводу высказанных Г.С. Батеньковым положений: «Все эти мысли мог бы высказать почти любой литератор-декабрист в 10-е годы, в период *возрождения витийственного классицизма, на традициях которого строилась новая гражданская поэзия*. Стремление к высокому, духу аскетизма, самоограничения, культ строгой логики, недоверие к красотам живописного и звучного языка, насыщенного тропами и метафорами (на этой почве возникло своеобразное “отталкивание” поэтов-декабристов от Жуковского), требование однозначности поэтического слова, склонность к архаическому письму в стиле XVIII в., к торжественным славянизмам – все это основные принципы декабристской эстетики, и их в полной мере разделял Батеньков» [1. С. 74–75]. Однако манифестационно изложенные Г.С. Батеньковым положения в «Писаниях сумасшедшего» расходятся с его поэтической практикой, отмечает исследователь [1. С. 76].

Оказавшись в 1820-е гг. в Петербурге, Г.С. Батеньков окунается в литературную жизнь столицы: участвует в выработке системы спряжений глаголов Н.А. Полевого и Н.И. Греча [2. С. 175], находится в курсе всех литературных новинок – в письмах к друзьям цитирует отрывки из «Бахчисарайского фонтана» и «Евгения Онегина» А.С. Пушкина [2. С. 177], которые еще не были опубликованы, агитационные песни А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева [2. С. 176], общается с В.А. Жуковским, произведения которого, будучи в Сибири, настойчиво просил друзей высылать, внимательно следит за полемикой архаистов и новаторов, явно симпатизируя последним, о чем свидетельствует текст письма к А.А. и А.П. Елагиным от 24 мая 1824 г., в котором Г.С. Батеньков иронизирует по поводу стремления архаистов навязать языку церковнославянизмы, что противоречит законам разума – «соображение за-

пищит под тяжелой пятой умокновения» [2. С. 181]. Однако в 1830–1940-е гг. в своей поэтической практике Г.С. Батеньков обратился к тому, над чем иронизировал в молодости – к «витийственному классицизму».

В 1820-е гг. внимание декабристов к архаике было обусловлено литературной борьбой за старшие жанры [3], которые были адекватны выражению гражданской проблематики, в последекабрьский это связано с иным пониманием природы творческого акта – творчество как *жизнетворчество*. Проекция эстетических воззрений Г.С. Батенькова 1840-х гг. на 1820-е гг. многое проясняет в его отношении к архаистам. Эстетическая концепция декабриста близка к эстетике младших архаистов (В.К. Кюхельбекера, П.А. Катенина), история развития эстетической мысли которых, согласно Ю.Н. Тынянову, – история их размежевания со старшими, на которых и была направлена ирония молодого Г.С. Батенькова [3]. Во-первых, младшие архаисты откачались от реакционности, обозначив свою позицию как чисто литературную; во-вторых, они отказались от лингвистической концепции А.С. Шишкова и попытались дать поэтическое обоснование употребления архаичной лексики (высокому стилю потребен высокий слог); в-третьих, младшие заявили, что они – архаисты, а не архаики, каковыми являлись старшие. А.А. Илюшин, отмечавший склонность Г.С. Батенькова к архаике, одновременно восхищался «виртуозностью» внутренних рифм, «достойной Блока» [1. С. 29], что позволяло исследователю вписать Г.С. Батенькова в традицию В.К. Тредиаковского – В. Хлебникова. Поэт-декабрист, по мысли исследователя, – звено, соединяющее эксперименталистскую поэзию XVIII и XX в. [1. С. 52].

Как известно, в России поэтическая теория опередила практику. Эксперименты В.К. Тредиаковского, создателя русского силлабо-тонического стиха, обусловлены апробацией созданной теории и поиском поэтической формы, адекватной системе русского слога. Природа эксперимента Г.С. Батенькова, активно обратившегося к религии в годы заключения в Петропавловской крепости, иная: он ищет форму, адекватно выражающую божественное содержание, бесконечность. Строительство стиха для поэта-декабриста – миростроительство. На этом основании установить связь между Г.С. Батеньковым и футуристами проще, нежели между ним и В.К. Тредиаковским. Однако религиозная направленность поэтической мысли декабриста не позволяет вписать его в ряд вышеупомянутых поэтов-эксперименталистов.

А.А. Илюшин, отмечая «склонность» Г.С. Батенькова к «архаическому письму в стиле XVIII века» [1. С. 75], считал поэта-декабриста продолжателем скорее

линии М.В. Ломоносова, чем Г.Р. Державина: «Батеньков <...> близок к Ломоносову именно как к поэту-ученому. <...> Поэт в данном случае сливается с <...> философом. Державин <...>, подражая Ломоносову <...>, создал <...> оду “Бог”. В Державине Батеньков ценил как раз ломоносовскую традицию; Державин в данном случае был лишь посредником между Ломоносовым и Батеньковым. <...> Сам Батеньков <...> отстаивал принцип слияния “художества” с наукой. Вряд ли нужно доказывать, что этот принцип столь же близок поэтике Ломоносова, сколь далек от державинского поэтического мира» [1. С. 79]. Влияние поэтико-философских воззрений М.В. Ломоно-

Псалом 1

1. Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собраниях развратителей;

2. Но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!

3. И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет [4. С. 569].

Г.С. Батеньков в переложениях второго и девятого псалмов менее, нежели М.В. Ломоносов, зависит от оригинала. Процент использования лексики, образной системы оригинала высок, но поэт-декабрист, независимо от оригинала, komponует материал, облекает его в новые поэтические формы, обогащает, создавая новые образы. Например, в «Песне девятой», написанной по мотивам девятого псалма Давида, появляется собственно батеньковский образ, сапог:

Кого мучитель гложет голод,
Тому он море даст даров,
Кто золотом наполнил город,
Он отошлет без сапогов [6. С. 123].

Этот образ вводит бытовой, конкретный и символический план, разворачивая глубокое личностное содержание. Акцент смещается с переложения на сотворчество. А.И. Иванов писал: «Общественных увеселений и приглашений на семейные праздники он [Г.С. Батеньков] не признавал и никогда на них не присутствовал, считая неприличным ссыльному являться среди благородного общества. Когда я задумал жениться и приехал звать его на свадьбу, он торжественно отказался от такой чести, говоря шуточно:

– Какой я свадебный кавалер, у меня и сапог, приличных такому торжеству, не имеется.

– А это что, разве не сапоги? – указал я ему на пару почти новеньких сапог, лежавших на ящике.

– Сапоги, да только не свадебные, а скорее похоронные: они были на мне в роковой день 14 декабря 1825 г.

сова на Г.С. Батенькова, при всей его очевидности, не стоит преувеличивать. Поэтика, как известно, отражает мировоззрение автора. Доминанту поэтики определяет отношение поэта к проблеме перевода, переложения. Оба автора занимались переложением псалмов. Характерной чертой переложений М.В. Ломоносова является близость к тексту оригинала. Каждому стиху псалма соответствует строфа поэтического текста. Все стихи псалма, не выключая ни одного, получают свое поэтическое воплощение в стихах поэта-классициста. В переложении М.В. Ломоносова следует поэтике текста псалма, используя лексику, символику, метафоры, образы оригинала.

М.В. Ломоносов «Переложение псалма 1»

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать,
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.

Но волю токмо подвергает
Закону божию во всем
И сердцем оный наблюдает
Во всем течении своем.

Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

и т.д. [5. С. 109]

– Как хорошо сохранились, – заметил я.

– Неудивительно: я сидел – они преспокойно лежали.

Заметив нервное подергивание лица, которое появилось всегда у Батенькова при воспоминании о пережитых страданиях, я переменил разговор...» [7. С. 171–172]. Сапоги «почти новенькие», следовательно, он их после освобождения не носил, т.к. сапоги эти «похоронные». Прежний Г.С. Батеньков – подполковник Министерства путей сообщения, активный государственный деятель, в своем социальном статусе умер и воскрес как ссыльный декабрист. Пользоваться вещами, в данном случае сапогами, вынесенными из того мира, было для Г.С. Батенькова невыносимым. Бытовой план – сапоги как отражение социального статуса человека, не случайно Бог «отошлет» именно без «сапогов», а не без шляпы, например, перекликается с символическим – запрет носить вещи умершего себя самого в прежнем статусе. Переложения Г.С. Батенькова – скорее, стихи, написанные «по мотивам», нежели собственно стихотворные переложения. По взглядам на проблему перевода поэт-сибиряк ближе к В.А. Жуковскому, чем к М.В. Ломоносову. Для М.В. Ломоносова поэтическое творчество – средство реализации своей просветительской программы, двигатель научных и религиозных идей, для Г.С. Батенькова – миротворчество. Поэт-декабрист близок к М.В. Ломоносову как поэт и ученый. Занятия наукой откладывают определенный отпечаток на эстетику поэта. Особость словопользования, терминологии, общность лексики, неэтикетские метафоры и сравнения в поэтическом контексте – черты, роднящие поэтику Г.С. Батенькова с

Ломоносовской, что обусловлено тем, что оба были поэтами и учеными. С той лишь разницей, что М.В. Ломоносов в своем творчестве позиционировал себя как поэта-ученого: «Письмо о пользе стекла», перевод отрывков из трактата Лукреция «О природе вещей», стихотворения, наполненные научным содержанием: «Случились два Астронома в пиру...», «Я долго размышлял и долго был в сомненье...» и др., а в стихах Г.С. Батенькова ученый лишь угадывается:

Духам не свойственна измена,
Тверда опора их безмена,
И, взяв размер для рукавов,
Уравновесят силой бремя,
Ее восполнят тратой время
По общим свойствам рычагов [6. С. 104].

Истоки батеньковского стремления к слиянию науки и религии находим в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого Северного сияния», в котором М.В. Ломоносов, обращаясь к ученым, вопрошал:

Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

И далее:

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец? [5. С. 49].

Сравним с восклицаниями Г.С. Батенькова: «О! Как бедна наука в изъяснении красот природы» [2. С. 241], «Бог хитрее Парижской Академии. <...> Он не только математик, но и поэт» [2. С. 282] и др.

Мировоззренческая близость двух поэтов столь же очевидна, сколь различия в поэтике, общность которой определяется лишь набором поэтических средств, отразивших влияние научных концепций на воззрения поэтов.

Понимание М.В. Ломоносовым и Г.С. Батеньковым задач поэтического творчества различно. Влияние державинской традиции в этом смысле на творчество поэта-сибиряка не следует умалять.

Первый стих оды Г.Р. Державина «Бог»: «О ты, пространством бесконечный» [8. С. 56] вводит проблему соотношения Бога и пространства, занимающую центральное место в системе воззрений Г.С. Батенькова. Субстанциальное понимание поэтом-декабристом Бога, бытийствующего в себе самом, исходя из своего собственного принципа, корреспондирует со стихами Г.Р. Державина:

Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек [8. С. 56].

Понятие «цикля», структурообразующее в пространственной парадигме Г.С. Батенькова, восходит к оде «Бог»: «Конец с началом сопрягаешь» [8. С. 56].

Истоки теософской концепции Г.С. Батенькова находим в оде Г.Р. Державина «Бог». Тексты Г.С. Батенькова словно сотканы из реминисценций из оды «Бог»: «Живый в движеньи вещества» (Г.Р. Державин) – «Где нет движенья веществу», «Живый и всемогущий Бог» (Г.С. Батеньков); «Дух всюду сущий и единый» (Г.Р. Державин) – «Дух вездесущий и повсюдный» (Г.С. Батеньков); «Тебе числа и меры нет» (Г.Р. Державин) – «Нет такого числа, которое могло бы выразить сие содержание» (Г.С. Батеньков); «Всегда пареньем в высоты» (Г.Р. Державин) – «Воспарь на высоты» (Г.С. Батеньков) и др. Симптоматично, что Г.Р. Державин – единственный русский поэт, которого Г.С. Батеньков упоминал в своих стихах:

<...> Когда восторженный душою
Державин звезды с выши зрел [6. С. 103].

Соотносить Г.С. Батенькова и М.В. Ломоносова, минуя Г.Р. Державина, ввиду приведенных аргументов, представляется нецелесообразным. Мирозидательные, миротворческие основания поэтики (В.К. Третьяковский, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин) Г.С. Батеньков ценил в русской литературе XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илюшин А.А. Поэзия декабриста Г.С. Батенькова. М., 1978.
2. Батеньков Г.С. Сочинения и письма / Изд. подгот. А.А. Брегман, Е.П. Федосеева. Иркутск, 1989. Т. 1.
3. Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин и его современники. М., 1969.
4. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Канонические. United Bible Societies, 1996.
5. Ломоносов М.В. Сочинения / Сост., предисл. и примеч. Е.Н. Лебедева. М., 1987.
6. Батеньков Г.С. Тексты и комментарии // Илюшин А.А. Поэзия декабриста Г.С. Батенькова. М., 1978.
7. Иванов А.И. Один из декабристов Гавриил Степанович Батеньков (Из воспоминаний старого сибиряка) // Декабристы в воспоминаниях современников / Общ. ред., вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1988.
8. Державин Г.Р. Сочинения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. Г.Н. Ионина. СПб., 2002.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 июня 2008 г.